

одним з ефективних засобів підвищення якості підготовки висококваліфікованих фахівців.

Висновок. Отже, в нашій роботі визначені основні психолого-педагогічні умови формування готовності майбутніх лікарів до професійної діяльності: мотивація студентів, розробка викладачем структури занять, комунікативні вміння (спілкування на основі взаємодії), студентська навчальна і науково-дослідна робота, самостійна робота студентів на практичних заняттях.

Виконання цих умов сприяє формуванню в майбутніх лікарів здатності вирішувати нестереотипні професійні завдання, володіти творчим мисленням, дозволяючи реалізувати головний гуманістичний принцип, який висловив відомий реформатор у галузі медичної освіти, вчений, лікар і педагог М. Я. Мудров: «лікувати хворого, а не хворобу» [6].

ЛІТЕРАТУРА

1. Сміла Н. В. Досвід формування психологічної готовності майбутнього лікаря до професійної діяльності / Н. В. Сміла, О. О. Лазуренко // Психологічний часопис. – 2017. – № 3 (7). – С. 117 – 133.
2. Вершинська О. Б. Проблеми формування навчальної мотивації студентів ВНЗ / О. Б. Вершинська. – 2010. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://tme.umo.edu.ua/docs/Dod/1_2010/VERSHYNSKA.pdf.
3. Півторак К. В. Формування особистості та мотивації до навчання у студентів медичного університету / К. В. Півторак, І. В. Феджага // Медична освіта. – 2011. – № 4. – С. 28 – 31.
4. Дяченко М. Д. Развитие профессиональной культуры будущих врачей: коммуникативный аспект / М. Д. Дяченко // Scientific Journal «Science Rise: Pedagogical Education». – 2016. – № 7 (3). – С. 34-37.
5. Дудікова Л. В. Формування готовності до професійного самовдосконалення у майбутніх лікарів [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Л. В. Дудікова. – Вінниця, 2011. – 22 с.
6. Натальская Н. Ю. Мудров Матвей Яковлевич – основоположник внутренней медицины в России (к 240-летию со дня рождения) / Н. Ю. Натальская, Е. А. Зайцева // Наука молодых. – 2016. – №1. – С. 20 – 24.

УДК 811.161.1'37

Глобина Л. В.

ВГУЗУ «Украинская медицинская стоматологическая академия», г. Полтава СИНСЕМАНТИЧНОСТЬ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК ПАРТИТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Розглянуто автосемантичні та синсемантичні значення елементів поля партитивної лексики. У ході дослідження було виявлено, що специфічною ознакою партитивного значення є його синсемантичність, а значить, одиниці з яскраво вираженим таким параметром займають центральне положення в структурі поля.

Ключові слова: *лексико-семантичне поле, партитивна лексика, синсемантизм, автосемантизм, ядро, периферія.*

Autosemantic and synsemantic values of elements of the field of partitive lexicon are considered. During the research it has been revealed that specific sign of partitive value is its synsemantic character, and therefore units with pronounced this parameter hold the central position in structure of the field.

Keywords: *lexical-semantic field, partitive lexis, synsemanticism, autosemantism, center, periphery.*

Рассмотрены автосемантические и синсемантические значения элементов поля партитивной лексики. В ходе исследования было выявлено, что специфическим признаком партитивного значения является его синсеманτικότητα, а значит, единицы с ярко выраженным данным параметром занимают центральное положение в структуре поля.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, партитивная лексика, синсемантизм, автосемантизм, ядро, периферия.

Постановка проблемы. Объектом данного исследования является партитивная лексика, которая объединена комплексом языковых характеристик, свидетельствующих о её системной организации. Данная система включает круг субстантивных номинаций (232 ед.), идентификация которых осуществляется через идентификатор *часть целого* в значении “отделённый или оставшийся в результате отделения от целого фрагмент, характеризующийся относительной самостоятельностью, незаконченностью и отсутствием собственной номинации до отделения” (например, *кусок, осколок, обломок, лоскут* – части твёрдого вещества; *капля, брызги, глоток* – части жидкого вещества и т.д.). Совокупность сем, определяющих данное значение, продуцируется в инвариантном компоненте “партитивность”, являющемся архисемой лексико-семантического поля партитивной лексики. ЛСП партитивной лексики является образцовой полевой структурой [1], так как обладает всеми её признаками [7].

Системный характер единиц, относящихся к ЛСП партитивной лексики, выражается в однотипности их синтагматических характеристик, что позволяет установить полевую модель сочетаемости [2]. Для элементов данного поля сильными морфологическими позициями, создающими возможности для реализации категориальной семы, являются три инвариантные конструкции: “Партитив + Сущ. (род.)”, “Прил. + Партитив”, “Глаг. + Партитив”.

В целом, партитивное значение является контекстно обусловленным, что проявляется в действии морфологического и лексического факторов – сочетании партитива с существительным в форме родительного падежа, выражающим в качестве несогласованного определения значение целого по отношению к части; сочетании партитива с прилагательным, реализующим значение субстанциональной или прототипной принадлежности объекта-части и значение признака по какому-либо качеству объекта-части; сочетании партитива с глаголом, обозначающим способ воздействия на целое, результатом чего выступает часть – референт данного партитива.

Синтагматический аспект полевой структуры, дополняя парадигматические структуральные параметры, позволяет адекватно описать ЛСП партитивной лексики как определённым образом структурированную систему: позиция “Партитив + Сущ. (род.)” отражает парцеллярное распределение партитивной лексики; степень специализированности партитивного контекста определяет зонную организацию партитивов.

Анализ специализированности партитивного контекста показал, что центр ядра поля *часть* и его синоним *доля* обладают универсальной сочетаемостью по всем трём инвариантным партитивным позициям; элементы ядра и периферии поля имеют ограниченную сочетаемость в зависимости от наличия в семной структуре значения определённых конкретизаторов общих семантических признаков. Общая закономерность такова, что понижение уровня абстракции значения элементов к

периферии поля соответствует повышению степени специализированности партитивного контекста, выявляя обратную пропорциональную зависимость.

Целевая установка. Целью настоящего исследования является рассмотрение автосемантических и синсемантических значений конститuentов поля партитивной лексики.

Изложение основного материала. Системность синтагматических свойств элементов поля проявляется в общности сочетаемостных характеристик прямых и переносных употреблений (значений), которая выражается в дублировании морфологических позиций и их семантических интерпретаций. Достаточно убедительно это можно проиллюстрировать на примерах с параллельными конструкциями. Например: *Я видел, как в 1919-м бережно складывали всякий – хоть даже маленький – обрывок материи: был текстильный голод. Сейчас альманахи, журналы бережливо складывают на своих страницах обрывки романов: это литературный голод* (Е. Замятин. О сегодняшнем и современном); *Бледные священники кричали с амвонов, что через три дня мир разлетится в куски, как положенный на уголья каштан* (Е. Замятин. Бич Божий).

Представляется целесообразным отметить, что вторичные значения всегда контекстно обусловлены, а реализация типовой сочетаемости при них является более необходимой, чем при использовании слов в основных значениях. Так, фраза *складывают обрывки* является информативно недостаточной, и только введение в неё позиции «Партитив + Сущ. (род.)» (*складывают обрывки романов*) даёт ей полноту смысла, а партитиву определённое значение (“часть словесного произведения”). Типовой контекст неосновного значения, исключая одни компоненты основного значения, усиливая и акцентируя другие второстепенные и потенциальные семы или “передавая” слову компоненты, заключённые в нём самом, обуславливают новый семантический вариант, новое значение слова (механизм данного явления подробно рассмотрен в нашей работе [3]).

Исследователями не раз отмечалось, что основные (первичные) и неосновные (вторичные) значения отграничиваются друг от друга по главному признаку – степени зависимости от контекста: если основные значения характеризуются автосемантизмом, т.е. минимальной зависимостью от контекста, то неосновные значения являются синсемантическими, обусловленными контекстом [4, с.107; 6, с. 212]. Основные значения как бы “задают” возможный контекст, но даже если этот контекст не будет реализован в полном объёме, основное значение будет выражено, если этому не противоречит наличие в контексте каких-либо элементов, не совместимых с основным значением (в этом случае для основного значения создаётся слабая позиция). При отсутствии таких элементов слово может реализовать своё основное значение и без поддержки типичных для него контекстных партнёров. Так, партитив *глыба* предполагает в контексте следующие типовые значения: “вещество” или “прототип” (*глыба* чего?), “способ отделения от целого” (*отколоть, отломить*), “размер” (*большой*), и эти позиции в реальных фразах могут быть замещены полностью или частично, например: *глыбы* льдов; *раскололся на две глыбы*; *оторвалась от берега и потонула отмытая половодьем земляная глыба*; *сотни громадных глыб* и т.д. В приведённом ниже предложении ни одна из позиций не реализована, а партитив выражает своё значение, так как типовой контекст, поддерживая значение и создавая слову тем самым сильную позицию, не является тем не менее необходимым: *Лёгкий ледяной сквознячок сдувает из-под ног белую пыль, и никому*

не слышная – по белой пыли, по глыбам, по пещерам, по людям на корточках – огромная, ровная поступь какого-то мамонтейшего мамонта (Е. Замятин. Пещера).

Показательно, что в отношении элементов ЛСП партитивной лексики устанавливается следующая закономерность: чем более специализирован обуславливающий значение партитива контекст, тем большей автосемантической он характеризуется. Поскольку специализированность партитивного контекста находится в обратно пропорциональной зависимости от уровня абстракции партитивного значения, определяющего местоположение единицы по отношению к центру поля, можно заключить, что партитивы, наиболее удалённые от центра поля, будут и наиболее автосемантическими. Для иллюстрации данного положения рассмотрим несколько лексических единиц, занимающих различное положение в иерархической структуре поля (см. таблицу 1):

Таблица 1. Сопоставительная характеристика ядерных и периферийных конститuentов поля по количеству автосемантических значений.

Лексическая единица	Положение в структуре поля	Количество основных значений (100 %)	Количество автосемантических значений	Количество автосемантических значений (в %)
<i>часть</i>	центр поля	204	0	0
<i>остаток</i>	собственно ядро	86	0	0
<i>проба</i>	“анемичная” зона ядра	4	0	0
<i>кусок</i>	1-я позиционная линия ближней периферии	676	17	3
<i>обрывок</i>	3-я позиционная линия ближней периферии	24	3	13
<i>глыба</i>	4-я позиционная линия ближней периферии	51	5	10
<i>стружка</i>	дальняя периферия	20	8	40
<i>пай</i>	дальняя периферия	5	3	60
<i>чурбан</i>	дальняя периферия	4	4	100

Примечание: в таблице не приводятся данные по зоне крайней периферии поля в связи с низкой частотностью её конститuentов.

Анализ примеров показывает, что ярко выраженный релятивный характер имеют элементы ядра, далее – достаточно релятивными являются элементы ближней периферии: партитивные позиции в контексте данных единиц выступают как важнейшие, обязательные и практически редко нереализуемые.

Таким образом, автосемантизм не является специфической принадлежностью прямых партитивных значений, напротив, чем более полно и

однозначно лексическая единица выражает партитивное значение, т. е. ближе к ядру поля находится, тем более она синсемантическая.

Заметим, что данное заключение имеет не только общетеоретическое значение, но и представляется важным в решении частных вопросов. Так, например, партитивы **окурок**, **пень**, **щепка**, несмотря на свою высокую частотность, относятся к дальней периферии поля, сближаясь с конstituентами данной зоны синтагматическими особенностями реализации: во-первых, достаточно специализированным контекстом в основной партитивной позиции (5 тип ограниченной сочетаемости); во-вторых, достаточно выраженной автосемантической (**окурок** – 54 %, **пень** – 81 %, **щепка** – 52 %).

Наличие в семной структуре партитива **крошка** вероятностной семы “принадлежность к хлебу” манифестирует более высокий уровень автосемантической значимости (22 %), чем у элементов ближней периферии, конstituентом которой является данная единица в силу своей высокой частотности и степени абстракции значения, выражающейся в степени специализированности контекста (3 тип ограниченной сочетаемости). Это определяет некоторое “пограничное” положение партитива **крошка** между зоной ближней и дальней периферии поля.

Констатация такого рода частных случаев свидетельствует о нечёткой, размытой границе между отдельными областями данного лексико-семантического поля.

Понятия автосемантизма и синсемантизма тесно связаны с понятиями предикатности и непредикатности. Так, если любой партитив способен в рамках своей семантики обозначить в речи объект, описываемый как часть какого-либо целого, то лишь некоторые партитивы – немногие относительно их общего числа – способны ещё и к предикатному употреблению: в сочетании со связочными глаголами они выступают как предикаты партитивного отношения. Это служит основанием для деления партитивов на две группы – непредикатные и предикатные [5, с. 92]. К предикатным партитивам относятся ядерные элементы и элементы 1, 2, 3 позиционных линий ближней периферии; соответственно единицы 4 позиционной линии ближней периферии, конstituенты дальней и крайней периферии поля являются непредикатными партитивами.

Различие между двумя группами партитивов наглядно выявляется в том, что они несут разную информацию в ответах на вопрос “Что это?”, т.е. при идентификации объектов по их классу. При ответе “*Это остаток*” о вещи известно только то, что она находится в партитивном отношении, неизвестными же остаются характеристика объекта по свойствам, особенности его как части, свойства целого (прототипа), способ элиминации другой части. В высказываниях, где названы оба аргумента партитивного отношения – и часть, и целое: **огарок** – **остаток** *свечи*, – партитивы, подобные слову **остаток**, выступают как предикаты партитивного отношения. В таком употреблении они функционально сходны с глагольными предикатами партонимического отношения: **щепка** – **часть** (*кусок, обломок, обрубок*) *дерева*; **щепка** является **частью** (*куском, обломком, обрубком*) *дерева*; *от дерева* **отделили** (*откололи, отрубили*) **щепку** и т.д.

Напротив, если на вопрос “Что это?” получен ответ “*Это огарок*”, то о вещи становится известно многое сверх партитивного отношения: это такая-то часть такого-то целого. Партитивы подобного рода информируют и о свойствах части, и о свойствах её целого (прототипа), и о способе воздействия на целое, результатом

которого выступает референт данного слова. Их содержание исключает предикатное использование и, помимо специальных случаев, делает избыточным упоминание целого.

Таким образом, партитив способен к предикатному употреблению в той мере, в какой его семантика оставляет неопределённой разновидность партитивного отношения, класс обозначаемой им вещи и класс целого, к которому он отсылает. Наиболее “чистыми”, обобщёнными предикатными партитивами являются центр ядра поля *часть* и его синоним *доля*, в то время как другие предикатные партитивы содержат – одни в меньшей, другие в большей степени (в зависимости от положения по отношению к ядру) – различные “примеси” в своей семантике: кроме сем партитивности и субстантивности в их лексических значениях содержатся признаки качественной и количественной характеристики денотатов. Так, ядерные предикатные партитивы *частица, долька, остаточек, частичка, кусочек, капля, порция* дополняют партитивное отношение его количественной неопределённой или определённой характеристикой; *остаток, образец, образчик, проба* содержат более или менее очевидные ограничения на характер частей; *долька, остаточек, остача, частичка, кусочек* имеют стилистические ограничения; все периферийные предикатные партитивы указывают на качественные разновидности отношения “часть – целое”: например, *кусок, ком, отрывок* – свойство вещества / прототипа; *осколок, обреза* – способ образования части, вид вещества / прототипа, внешний вид и т.д.

Непредикатные партитивы не способны к предикатному употреблению, в их семантике содержится комплекс конкретных сем, манифестирующих автосемантическое употребление.

Выводы. Поскольку специфическим признаком партитивного значения является его синсемантичность, элементы с ярко выраженным данным параметром, а значит, наиболее полно и однозначно проявляющиеся как партитивы, занимают центральное положение в структуре поля.

Центральные элементы поля вследствие своей синсемантичности способны к предикатному употреблению: выступая в речи как предикаты партитивного отношения, они осуществляют идентификацию непредикативных партитивов по их разряду.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глобина Л. В. Принципы моделирования лексико-семантического поля партитивной лексики / Л. В. Глобина // Вісник Запорізького національного університету. Серія: Філологічні науки. – №2. – 2005. – С. 21 – 27.
2. Глобина Л. В. Полевая модель сочетаемости в практике преподавания русского языка как иностранного в медицинском вузе / Л. В. Глобина // Вісник Дніпропетровського університету. – №11. – Т. 21. – 2013. Серія: Мовознавство. – Вип. 19. – Т. 2. – С. 36 – 41.
3. Глобина Л. В. Семантические процессы в лексико-семантическом поле партитивной лексики / Л. В. Глобина // Вісник Запорізького національного університету. Серія: Філологічні науки. – 2017. – № 2. – С. 74 – 83.
4. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка / Э. В. Кузнецова. – М. : Высшая школа, 1989. – 215 с.
5. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения / М. В. Никитин. – М. : Высшая школа, 1988. – 168 с.
6. Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) / Д. Н. Шмелёв. – М. : Наука, 1973. – 279 с.
7. Полевые структуры в системе языка / под ред. З. Д. Поповой. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1989. – 197 с.